

Священномученик Иоасаф (Удалов) – деятель «ТИХОНО-КИРИЛЛОВСКОГО ПОДПОЛЬЯ»

2 декабря, 2012

Анастасия Коскелло

2 декабря (19 ноября ст.ст.) Русская Православная Церковь чтит память святителя Иоасафа, епископа Чистопольского. В этот день в 1937 году он был расстрелян во внутренней тюрьме НКВД г. Казани.

«Враждебность к советскому государственному строю»

29 ноября 1937 года начальник казанской опергруппы капитан госбезопасности Шелудченко утвердил обвинительное заключение, составленное по следственному делу № 9767–1. Текст заключения составлял младший лейтенант госбезопасности Блинов, оперуполномоченный 4 отдела НКВД по Татарской республике.

Обвинение касалось «Удалова Иоасафа — Ивана Ивановича, 1886 года рождения, уроженца г. Уфа Башреспублики, жителя г. Казани, епископа, русского, б/п, с высшим духовным образованием, гр-на СССР». В православном календаре он указан как епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов), священномученик. Память его празднуется 2 декабря (19 ноября ст.ст.), а также в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Русская Православная Церковь Заграницей причислила его к лику святых в 1981 году, Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) — в 2008-м.

Однако для оперуполномоченного Блинова он был «Удалов Иван Иванович, активный деятель к.-р. церковного „Тихоно-Кирилловского“ подполья». На момент составления текста он содержался в тюрьме № 2 г. Казани...

Как гласит текст Блинова, за плечами у обвиняемого уже было три судимости, ссылка и 3 года лагерей:

«В 1924 году арестовывался органами ОГПУ по ст. 73 УК — суду не предавался.

В 1925 году был выслан за к.-р. деятельность в Туруханский край на 3 года.

В 1930 году за к.-р. деятельность был осужден на 3 года ИТЛ».

Согласно заключению Блинова, епископ Иоасаф и на этот раз был виновен в «к.-р.деятельности». Как утверждает в тексте обвинения, епископ Иоасаф

«пропагандировал среди верующего населения и в особенности среди реакционной ее части свою враждебность к Советскому государственному строю». В качестве подтверждения приводятся слова свидетелей о том, что «в разговоре с верующими о продовольственных затруднениях УДАЛОВ распространял а/с. провокационные измышления о якобы наблюдавшемся массовом недовольстве населения Соввластью на почве продовольственных затруднений».

Помимо «антисоветчины» как таковой, епископ Иоасаф был обвинен еще и в симпатиях к фашизму. Сделано это было на основании пересказа свидетелем следующего высказывания владыки (текст также приведен в обвинительном заключении): «Лучше всего фашизм применяется в Португалии. Там все фабрики и заводы как бы составляют кооператив, а рабочие и служащие являются как бы пайщиками и получают за свой труд дивиденды. Эта форма лучшая и она за границей начинает повсюду применяться». Как гласит текст заключения, «допрошенный по существу вышеизложенного УДАЛОВ виновным себя НЕ ПРИЗНАЛ, но достаточно изобличается материалами следствия». Таким образом следственное дело епископа Иоасафа было передано на рассмотрение так называемой «Особой Тройки» НКВД Татарской республики, которая сочла, что оснований для «высшей меры наказания» достаточно.

Через три дня, 2 декабря 1937 года, митрополит Иоасаф (Удалов) был расстрелян во внутренней тюрьме НКВД г. Казани.

«Любитель русской старины»

На момент расстрела владыке был 51 год. Он родился в русской семье в г. Уфе. Биографы епископа Иоасафа нередко называют его «сыном купца». Фактически же отец владыки Иван Удалов был «часовых дел мастером», так называемым «мелким лавочником». Семья не имела большого дохода, зато вела традиционный образ жизни. С раннего детства будущий владыка посещал все церковные службы, соблюдал все посты. Когда сын принял решение поступать в Уфимскую духовную семинарию, родные восприняли это как само собой разумеющееся.

Особую роль в становлении епископа Иоасафа как монаха, священника и архиерея сыграл известный православный богослов и философ митрополит Антоний Храповицкий. Будучи в 1900–1902 годах уфимским епархиальным архиереем, он заметил Ивана Удалова в Уфимской семинарии. Впоследствии это помогло его карьерному продвижению. Когда в 1910 году Иван закончил Казанскую академию со степенью кандидата богословия, архиепископ Антоний — тогда уже владыка Волынский и Житомирский — зачислил его в Житомирский Богоявленский монастырь. Пострижение Ивана в монашество и рукоположение его во иеромонаха совершал сам высокопреосвященный Антоний.

В сентябре 1910 года иеромонах Иоасаф был назначен помощником инспектора Казанской Духовной академии, а уже в 1912 году, в возрасте всего 26 лет, он стал игуменом и исполняющим обязанности настоятеля Казанского Спасо-Преображенского монастыря в Казанском кремле.

По своим тогдашним взглядам игумен Иоасаф был убежденный монархист. Как и его

наставник, митрополит Антоний (Храповицкий), он считал пошлостью равно либерализм и социализм (известный афоризм митрополита Антония — «Терпеть не могу слов, кончающихся на „уция“: конституция, революция, проституция...» — вполне соответствовал и убеждениям отца Иоасафа).

Он и в искусстве любил не новоевропейские направления, но византизм и русскую старину. Под руководством молодого игумена в казанском кремле была даже выстроена часовня в древнерусском стиле — она была сооружена над мощами святого митрополита Ефрема Казанского, венчавшего в 1613 году на царство Михаила Феодоровича Романова...

Святые покидают Кремль...

В 1915 году игумен Иоасаф был возведен в сан архимандрита и стал заведующим Казанских миссионерских курсов.

Революционные события застали его в Казани. Один из немногих церковных иерархов города, он отказался покинуть Казань вместе с отступающим белочешским корпусом в сентябре 1918 года. В результате, когда в городе не осталось ни одного архиерея, старшим по чину оказался 32-летний архимандрит Иоасаф. Несколько месяцев он исполнял обязанности управляющего епархией.

Архимандрит Иоасаф стал вынужденным свидетелем закрытия и разграбления Казанского кремля. 20 сентября 1918 году в Спасском монастыре во время совершения архимандритом Иоасафом литургии в алтарь вошел комиссар и объявил, что кремль закрывается для публики и объявляется военным городком, а все гражданские учреждения и частные лица выселяются.

22 сентября 1918 все кремлевские храмы были закрыты. Архимандриту Иоасафу удалось добиться от властей разрешение на вынос из кремлевских церквей некоторых наиболее чтимых казанцами святынь. Условием новые власти поставили предоставление списка участников (числом не более 20) перенесения святынь и осуществление последнего без пения, колокольного звона и повторных хождений...

Тогда силами монахинь Богородицкого монастыря (так как в самом Спасском монастыре, кроме архимандрит Иоасафа оставались только иеромонах Варсонофий (Лузин) и монах Венедикт) из Кремля были вынесены мощи казанских святителей: из кафедрального Благовещенского собора — рака с мощами святителя Гурия Казанского, из Спасо-Преображенского монастыря — мощи святителя Варсонофия Тверского, икона великомученицы Варвары с частицей мощей, древние иконы Николы Ратного и Спаса Всемилоствого, древняя запрестольная икона и крест...

Святыни были перенесены в Казанский Богородицкий монастырь, находящийся под Казанским кремлем и так сохранились до конца богоборческого правления.

Епископ вне закона

«В своих личных отношениях к советской власти особых приступов враждебности я в себе не помню. Во время наиболее тяжелых испытаний в ссылке, когда приходилось

голодать, замерзать, валяться больному с слабым сердцем в грязи в тюрьмах, конечно, бывали горькие минуты при наличии сознания своей невинности, но это не основное чувство», — говорил владыка во время очередного допроса в 1930 году.

Объективно те два десятилетия после революции, которые довелось прожить священномученику Иоасафу, были поистине нечеловеческим испытанием.

В 1920 году архимандрит Иоасаф был хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 1922 года числился епископом Чистопольским, викарием той же епархии. Однако к 1923 году большинство казанских храмов было захвачено обновленцами, а казанское епархиальное управление было объявлено вне закона. Владыка Иоасаф не признал подконтрольного властям обновленческого ВЦУ и продолжал служить тайно, согласовывая свои действия с патриархом Тихоном.

В результате 12 декабря 1923 года в ГПУ поступил донос, в котором говорилось, что владыка Иоасаф, «не имея официального разрешения от гражданской власти на организацию Епархиального Управления, фактически управляет епархией». В тот же день ГПУ начало систематическую перлюстрацию писем владыки, в частности, его переписки с патриархом Тихоном. На основании собранного «компрометирующего материала» в мае 1924 года владыка был арестован, переправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 23 августа он был оттуда выпущен с подписку о невыезде из Москвы.

В Москве владыка Иоасаф проживал в Даниловом монастыре, где в то время сосредоточилось большинство представителей так называемой «правой оппозиции» в РПЦ — духовенства так называемых «черносотенных» взглядов. Там 18 ноября 1925 года он был снова арестован. На этот раз владыка проходил по групповому делу митрополита Петра (Полянского) и обвинялся в «пособничестве и укрывательстве группы монархических епископов и мирян, поставившей себе задачей использование церкви для нанесения явного ущерба диктатуре пролетариата», за что 21 мая 1926 года был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь.

В июне 1926 года владыка был отправлен этапом в Красноярский край, оттуда в августе — в Туруханский край. С 1928 года он находился в Енисейске, откуда был переведен в Козьмодемьянск Марийской области.

Там 1 декабря 1930 владыка был вновь арестован и вывезен для дальнейшего следствия по очередному групповому делу церковников в Казанскую тюрьму. Обвинение гласило: «Пользуясь авторитетом иерарха, возглавил и фактически руководил Казанской церковной монархической организацией». 5 января 1932 года он был приговорен к трем годам лагерей и отправлен в Осинниковское отделение Сиблага.

В лагере, по прошествии чуть более года, в мае 1933-го его снова арестовали — на этот раз как «участника церковно-монархической контрреволюционной группы ИПЦ». 28 января 1934 года владыка был приговорен к переводу в штрафизолятор сроком на 2 года.

В 1936 году владыка был освобожден из лагеря. Он вернулся в Казань, поселился на окраине города у своей 80-летней матери в доме на улице Тихомирнова. В октябре 2012 года этому дому был присвоен статус памятника культуры, местные власти планируют восстановить его и создать в нем музей.

Официально владыка числился на покое еще с 1929 года. С сергианскими архиереями связи не поддерживал, но иногда по личным просьбам верующих служил панихиды в «сергианской» церкви на Арском кладбище. Жил он очень бедно, а продукты и одежду, передаваемые ему верующими, часто пересылал священникам, находившимся в тюрьме и ссылке.

16 декабря 1937 последовал очередной — на этот раз, последний — арест.
«Тихоно-Кирилловское подполье»

За что же все-таки власти преследовали епископа Иоасафа, в чем был смысл этих бесконечных арестов по надуманным обвинениям, этих странных перемещений по стране?

По словам обвинителя Блинова, епископ Иоасаф «демонстративно заявлял, что, не признавая Соввласть, он не посещает „Сергиевских“ церквей, так как-де там за богослужением молятся за Советскую власть» и «проводил активную работу по созданию „Кирилловского“ подполья на территории Татарской Республики».

Слова эти требуют пояснения. Термин «Тихоно-Кирилловское подполье» не раз встречается в документах НКВД. В реальности подобной организации не существовало, однако большая часть людей, обвиненных в принадлежности к этому «подполью», были приговорены «тройками» НКВД к «высшей мере наказания» и расстреляны без суда. В ряде следственных дел те же самые люди обвиняются в принадлежности к так называемой «Истинно-Православной церкви» (за принадлежность к ИПЦ владыка Иоасаф был арестован, в частности, в 1933 году).

Наличие организационных связей между всеми ними — вопрос весьма дискуссионный, однако фактом является та или иная степень их оппозиционности к высшему церковному руководству РПЦ 1930-х годов, и, соответственно, оппозиционность их по отношению к советской власти.

Выражение «Тихоно-Кирилловское» подразумевает связь обвиняемых с покойным патриархом Тихоном (ум. 1925, в 1981 году канонизирован в РПЦЗ, в 1989 году — в РПЦ) и митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым) (расстрелян в 1937, в 1981 году канонизирован в РПЦЗ, в 2000 году — в РПЦ). Иными словами, это та часть священнослужителей и мирян, которая не признала духовного авторитета за патриаршим местоблюстителем Сергием (Страгородским), осудила текст его «Декларации» 1927 года о лояльности советской власти и не признавала власти над собой так называемой «сергиевской» иерархии. Соответственно, «сергианские» храмы, в которых за богослужениями возносилось имя митрополита Сергия и поминалась советская власть, эти люди не посещали.

Наибольшим авторитетом среди этой части верующих в 1920-е-30-е годы неслучайно пользовался митрополит Кирилл (Смирнов). В годы революционной смуты он не запятнал себя сотрудничеством с богоборцами, проявил принципиальность в оценке обновленческого раскола. Наконец, именно он был указан в так называемом завещательном распоряжении патриарха Тихона в качестве основного кандидата на должность патриаршего местоблюстителя в случае своей смерти. Именно его в первую очередь святитель Тихон желал видеть своим преемником во главе высшего управления Русской Православной Церкви.

С 1919 года митрополит Кирилл подвергался регулярным арестам. Большую часть времени он проводил в тюрьмах и ссылках. «Игумен» от НКВД Евгений Тучков многократно склонял его к сотрудничеству с властью, в частности, предлагал ему помощь в занятии Патриаршего престола в случае готовности «работать вместе» со спецслужбами, однако митрополит Кирилл был непреклонен.

В те дни, когда епископ Иоасаф находился в казанской тюрьме под следствием, под следствием был и митрополит Кирилл. 7 июля 1937 года он был арестован в ссылке в Казахстане и помещен в тюрьму г. Чикмент. 20 ноября, незадолго до вынесения приговора епископу Иоасафу, его расстреляли.

Епископ Иоасаф был одним из тех, кто в 30-е годы поддерживал постоянную связь с митрополитом Кириллом, вел с ним переписку. Многие из писем владык друг другу были вскрыты и переправлены в органы НКВД, в дальнейшем они были использованы обвинителем в качестве дополнительного «основания» для дела.

«В своей переписке с митрополитом Кириллом УДАЛОВ обменивался с ним антисоветскими мнениями по важнейшим решениям Советского правительства и в особенности по Сталинской Конституции», — гласит обвинительное заключение лейтенанта Блинова. Обвинитель цитирует письма еп. Иоасафа, адресованные митрополиту Кириллу и, очевидно, вскрытые агентами госбезопасности. В частности, приводит весьма, в сущности, безобидные слова владыки, касающиеся положения Церкви в стране: «Оптимистические ожидания облегчения положения в связи с новыми законами жестоко проваливаются»...

Едва ли руководство НКВД было всерьез оскорблено подобными выражениями. Подобные высказывания мог допустить практически любой священник в СССР того времени, так как они вполне соответствовали действительности... Можно предположить, что в реальности НКВД стремилось не столько искоренить «тихоно-кирилловскую» оппозицию, сколько поддерживать определенный «баланс сил» между «сергиевцами» и «кирилловцами». По принципу «разделяй и властвуй».

Конфликты между верующими были выгодны большевикам, мечтавшим об искоренении религии и уничтожении Церкви в СССР. Соответственно, всякий «из ряда вон выходящий» церковный деятель и с той, и с другой стороны, способный нарушить этот «баланс», подвергался репрессиям. Так, и епископу Иоасафу было поставлено в вину снижение численности прихожан «сергиевских» храмов: «Группируя вокруг себя монашествующий к.-р. элемент — УДАЛОВ проводил через него работу по привлечению

к себе новых верующих кадров за счет „Сергиевских“ церковных общин». «Филиалы ИПЦ»

Организационная мощь «ИПЦ» намеренно преувеличивалась сотрудниками НКВД, так как это позволяло усиливать давление на «сергиевские» общины. С той же целью сотрудники органов занимались поиском «тайных членов ИПЦ» среди сергиан. Так, известно, что по одному и тому же делу о мифическом «кирилловском подполье» вместе с епископом Иоасафом были репрессированы две монахини давно закрытого Богородицкого монастыря Евдокия (Двинских) и Стефанида (Макарова), а также «сергианский» священник, клирик Серафимовской церкви в Казани протоиерей Николай Троицкий.

Отец Николай, активный приходской священник, много работавший с детьми и молодежью, был привлечен к делу за дружбу с владыкой Иоасафом. Обвинители утверждали, что протоиерей Николай — «руководитель контрреволюционной организации молодежи „Союз христианской молодежи“, являлся деятельным членом Казанской контрреволюционной организации... активный участник преобразования организации в филиал ИПЦ». «Тройка» НКВД, рассматривая дело, приговорила отца Николая к расстрелу, а монахинь — к десяти годам лагерей каждую. Епископ Иоасаф и протоиерей Николай были казнены в один день, в 20 часов 30 минут — священник, а через пять минут — епископ. Оба они были похоронены в общей могиле на Архангельском кладбище Казани. Сейчас на этом месте установлен памятник со списком погребенных.

<http://www.pravmir.ru>